

JACEK KOMUDA

JAKSA
BIES IDZIE ZA MNA

ЯЦЕК КОМУДА

ЯКСА
БЕС ИДЕТ ЗА МНОЙ

Перевод с польского: Сергей Легеза

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)
К63

Серия «Шедевры фэнтези»
Jacek Komuda
JAKSA: BIES IDZIE ZA MNA

Перевод с польского: *Сергей Легеза*

В оформлении использована иллюстрация
Сергея Шикина
Cover illustration by Sergei Shikin

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2018 Jacek Komuda
© Сергей Легеза, перевод, 2022
Copyright © by Fabryka Słów sp. z o.o.
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

ОРДА

— **Б**удь они прокляты! — обронил король Лазарь. Он возвышался над собравшимися, как памятник совершенству: горделивый, седобородый, с белизной на выбритых висках. Волосы чуть выбивались из-под короны и стекали на плечи, укрытые ало-золотистой сюркоттой. Корона Ведов была потемневшей, но столь же горделивой, как и владыка. Блеск старого золота смешивался с синими и зелеными вспышками сапфиров и изумрудов, с белым сиянием жемчужин. Блестела дубовая листва на изукрашенном обруче.

— Всяк, в ком лендийская кровь, кто лендичем зовется, кто приносил клятву моему величию, но не прибыл на бой с хунгурами, да будет проклят!

— Проклят в доме и во дворе, проклят во граде и на пашне, проклят сидя, стоя, на коне, в питии, в работе и во сне, — вторили хором два придворных инока Праотца и иерарх Старой Гнездицы — старец с белой бородой и посохом, украшенным цветом божественной яблони.

— Чтоб не знали они ни сына, ни дочери,— гремел король.— И чтобы не родило ничто, к чему они прикоснутся. Ни вино, ни белая пшеница!

— Проклят пусть будет он так, чтобы ни члена здорового в нем не осталось, от макушки до пальцев стопы,— вторил хор духовных голосов.— Да вытекут внутренности его, а все тело да источат черви!

— Чтоб они захирели. Чтоб род их угас. Прокляты! Прокляты! Трижды прокляты!

— Прокляты купно с Чернобогом-предателем и Волостом-лжецом! С Продосом, мерзким карликом измен, и с Ханой кривоклятвенной, и с Антом-мужебойцем! — закончили духовники.

Лазарь надрезал ладонь правой руки и возложил ее на Знак Копья, воткнутой в камень посреди королевского шатра.

— Ступай, кровь, к оружию. Мы, лендичи, предпочтем железо пред золотом, и им защищаемся. Ступай, кровь, ко крови, свидетельствуй о моих словах!

— Во имя Праотца!

Не сказать, что слова проклятия пали в пустоту. Собравшиеся в королевском шатре властители и рыцари стояли неподвижно под стенами, на минуту прекратив беседовать да кивать друг другу над поставленными в форме подковы столами.

Лазарь вытянул руку, вытер ее о рушник, поданный оруженосцем, вернулся на свое место и теперь поднимал золотую чашу.

— Се последний пир перед битвой. Выпьем же за победу, поскольку без нее... не вернемся. Лишь бы Праотец дал нам победу, а Есса позволил лечь в

Короне Гор, в пещерах меж королями-духами, славными нашими предками.

Вокруг вскипело. Десятки рук ухватили кубки и рога. Князя, иноки, палатины, достойники — все высокие и крепкие, жилистые и статные. Фигуры в сюркотках, коротких куртках-туниках и стеганках, украшенных блестящими клепками, с красными и сине-желтыми гербами на груди. Люди со старыми морщинистыми лицами, на которых солнце и вражеское железо резали знаки геройства и отваги. Позади маячили лица рыцарей с подбритыми висками — лендичей. А рядом с ними загорелые от горного и степного ветра лица господарей Монтании и Подгорицы — суровые, бородатые, заросшие морды князя Дреговии и его приближенных дружинников.

Добавь к тому дым, лезущий в глаза и встающий над огнем посреди шатра, запах железа от мечей и доспехов да темные следы, оставленные на одеждах гостей панцирями. И красный отблеск закатного солнца, бьющего в полотняные стены шатра. Тот, что ложился на короля Лазаря и его рыцарей будто кровь.

— Мы идем против них уже десять дней,— сказал король,— и все еще не ведаем, из какой бездны они вышли. Наверняка могу сказать одно: королевство наше, Великая Лендия, стоит у них на пути, как скала против морской волны.

— Хунгуры,— тихо произнес иерарх.— Народ дикий, степной. Не знают ни законов Праотца, ни его Знака. Превышают жестокостью всех известных нам тварей земных. Столько-то вычитали мы в хрониках.

— Откуда они приходят?

— Из бездны Чернобога,— ответил инок Гоштыл.— Они идут следами наших отцов, дорбгой, которой века назад прибыли веда, когда Есса вывел их из Тооры. Это бич Праотца! Кара за преступления, которые совершили мы, отступив от законов Ессы.

— Пьют они только воду и едят трупы, пищей служат им штука конского мяса, вяленная под седлом, одеждой — баранья шкура, ложем — земля рядом с их шатром, а степь... Праотцом,— закончил королевский поверенный инок Иво, прозванный Голубком.

— Пьют кровь, а для излечения ран используют рубленные сердца врагов,— добавил кто-то сзади.

— Коням подрезают ноздри, чтоб тем легче дышалось.

— Будто псы, пьют испорченное кобылье молоко. Едят котов, мышей и крыс.

— Государь мой,— склонился над столом князь Дреговии, да так, что заколыхалась его толстая золотая цепь, упавшая на жирное брюхо. Был это большой и сильный мужчина, с бородой лопатой, грубо тесанный, как и все его племя. Стоящие за ним витязи в сегментированных на груди доспехах казались его отражением: крупные и статные, в зеркальных латах и панцирях.— Могу вас уверить, что, когда первые из них осаживали Радуницу, они ели мясо мертвых как упыри, но сперва всегда его варили.

— Так или иначе,— сказал Домарат Властович, человек с красивым благородным лицом, королевский палатин Лендии,— они едят врагов.

— Давайте не будем говорить о поганных за ужином,— проворчал его товарищ, худой и сожженный

солнцем Фулько.— Се идет смертельная желчь с востока. У воинов ее порезанные лица и бритые головы с косицами, а ежели они украшают их рогами Волоста, значит, они его братья, помет Чернобога.

— Уродливые и кривые, — добавил светловолосый и весь в шрамах Христин из Ястребна, палатин Младшей Лендии.— С мощными заливками, они как двуногие звери или идолы. Проклинают именами мертвых родичей, побежденным отрезают головы и сносят те своему кагану.

— Лица их непристойны, они — проклятие для Праотца и нас, рыцарства, — произнес иерарх.— Как бесформенный корж с дырами вместо глаз. Детям режут щеки, чтобы приучить их к боли.

— Волосатые ноги обертывают козьими шкурами, на головах носят шапки с рогами, и рога эти втыкают, куда придется: в плечи и локти, украшают ими лошадей, — говорил дрожащим голосом инок Иво.— Женщины их все время сидят по повозкам, где ткут шерсть, сожительствуют с мужьями и собственными лошадьми, а детей-уродцев рожают в навозе, чтоб те были крепки против болезней. Мужчины живут лишь на конях, верхом. Нет у них постоянных усадеб.

— Тех, кого берут в рабство, клеймят.

— Сопровождают их безбожные женки на конях, — сказал Фулько, а рыцари оживились, будто вообразили себе боевых девиц верхом на жеребчиках.

— И наверняка они, невзирая на женскую честь, — буркнул Иво, — ездят по-мужски.

— О-о-о, верно вы говорите! — поднялся господин Ворштыл.— В таком-то случае хунгуры — просто

дурная орда неразумных забияк, которых мы быстро обратим в свою веру нашими большими мечами. И пошлем взбивать масло в пахталках.

— Да, месить тесто!

— Баба с конюшни — коням в радость! — фыркнул палатин Христин.— Сбегут, прежде чем мы вынем наши мечи.

Вокруг раскатился смех, а мрачное настроение исчезло, изгнанное по углам виватами, шуточками и цепочкой слуг, которые стали вносить в шатер золотые блюда с дичью и птицей с огня; с ветчиной, завернутой в листья хрена, и запеченными в горшочках свиными четвертями. Поднялся шум, начались разговоры. Вино полилось в кубки и рога, красное будто кровь.

И тогда встал худой мужчина с длинными черными волосами да изрядными усищами. В алых одеждах, украшенных золотыми плашками у пуговиц. В колпаке с нашитыми крупными рубинами, похожими на пятна крови. Снял шапку, склонился покорно. Мирча Старый, господарь Монтании, которой они шли еще вчера.

— Милостью Ессы, святого глашатая законов, позвольте мне сказать, благородные господа веды,— произнес он униженно.— Есть дела, о которых вы должны узнать нынче, поскольку завтра будет поздно.

— Говорите, господарь,— махнул рукой Лазарь.— Хоть я не знаю, что еще может растревожить нас перед боем с дикими язычниками.

— Хунгуры немного известны мне, господин. Доходили до меня слухи, как они сражаются. В первой стычке засыпают врага стрелами. Ни в коем случае

нельзя за ними гнаться, поскольку они сбегают, чтобы завлечь тебя в засаду. Рыцарям должно...

— Мы сами прекрасно знаем, каковы долженствования лендийских господ,— прервал его Фулько.— Может, вы и сбегаете, господарь, когда они мечут в вас свои свистящие стрелы, но мы не покидаем поля боя раньше, чем падет последний бес из степи. Встанем подобно стене!

— В этом и весь фокус: встав шеренгами, вы подставитесь под их стрелы. Следовало бы разомкнуть строй, чтобы уменьшить потери.

— Как челядь, простецы или твоя монтанская кавалерия, сударь господарь?

— Я никогда не говорил, что вы пугливы,— Мирча поднял глаза,— а в присутствии нашего владыки я глух к оскорблениям. Но вы не видели их луков. Некогда показывали мне один, и я вострепетал,— он взглянул на Лазаря, словно ища поддержки.— Они выгнуты назад и оклеены рогом. Бьют одоспешенных людей за пятьсот длинных шагов.

— Против луков у нас есть броня и сварнийские доспехи из Скальницы. У нас сильные кони, в то время как хунгуры, как я слыхивал, ездят на косматых псах. Советую вам: лучше, господарь, молитесь о том, чтобы они от нас не сбежали.

— Эй, брат,— проворчал в сторону Фулько господин Домарат.— Не прерывайте; делаетесь тогда яростнее самогб... королевского палатина. А ведь на турнире не выиграли у меня.

— Потому что у вас... никто не выиграет. Вы — мастер меча, владыка копья, как стена отбиваете удары.

Другими словами... простите, — Фулько прикрыл глаза. Поклонился, не вставая с лавки.

— Господарь... — начал Лазарь. — Напомните мне, как зовется их... король?

— Каган, господин. Горан Уст Дуум. Великий, величайший, трижды великий Горан, каган Бескрайней Степи, Даугрии и Югры. Владыка тварей, коней и всех народов от Дреговии до Китмандских гор. Князь Красной и Черной Тайги, угорцов, чейенов, саков и даугров.

— Откуда... где скрывались до сих пор столь... демонические люди?

На этот раз встал и поклонился господарь Подгорицы — Рареш, некогда зовомый Самодержцем, но с той поры, как он ближе познакомился с мечами лендичей, был уже лишь князем. Человек жестокий и дикий, как сама Подгорица. С широкой рыхой, рыжеватой бородой, разделенной надвое, без левого глаза, на месте которого сверкал зеленый камень. Был он увешан золотом, словно языческий идол, и оттого сверкал сильнее, чем его суверен — король Лендии.

— Это-о-о не люди, великий король. Мы слышали о них, вести носит ветер. Пришли они с Дальнего Востока, из мест, нам незнакомых. Прodelали немалый путь, не повернут и наверняка не останоятся.

— И потому, — Лазарь поднял свой кубок, — хорошо, что мы станем с ними биться в степях, пока далеко от границ, вместо того чтобы позволить им перелиться через горы, словно волнующееся море. Только бы битва принесла мне спокойный сон в гротах королей-духов в Короне Гор.

— Ты сказал, господин,— склонил голову Рареш.— Пью ваше здоровье, король Старой Гнездицы и Скальницы! Владыка Дуба Расхождения. Суверен Подгорицы, будущий победитель мерзкого кагана Горана, триумфатор Рябого поля.

Они вставали по очереди — князья и господа, рыцари и жрецы.

— Надеюсь,— слабо произнес Лазарь,— что вы не скрываете под этим тостом измены. И что все вы, как один муж, броситесь со мною в бой, из которого мы не можем выйти иначе, чем со щитом победы.

Лазарь заглянул в темные глаза Мирчи, поймал пустой взгляд Свана, уперся в единственный глаз господаря Подгорицы, смотрел на лица Драгомира, Христина, Домарата, рядом с которым сидели Фулько и мужчина с поседевшими волосами, благородными чертами лица и короткой бородой... Милош из Дружицы. Он тоже поднял кубок за здоровье короля. При этом так сжимал пальцы, что те побелели. Не хотел, чтобы остальные увидели, как они дрожат.

* * *

— Хорошо, что вы здесь...
ХЧамбор ждал за королевскими стражниками. Племянник по сестре Милоша был высоким юношей со светлыми, по-рыцарски подбритыми волосами, в тесно облегающей клепаной стеганке, с мечом у левого бока и кинжалом у правого. На утепленной одежде у него была куртка с гербом — Ливой, золотой звездой, вписанной в тонкое кольцо

полумесяца на синем поле. Рядом с ним стоял лишь один слуга — мрачный усач, который все выполнял неторопливо, зато мало говорил, что нравилось его господину.

— Приветствую вас, дядя,— сказал юноша хриплым, но красивым голосом. Осмотрелся.— Вы одни у короля были? Без ваших людей?

— Пойдем-ка со мной,— кивнул Милош.

Двинулся лагерем, что погружался во тьму. Небо над ними было чистым, выметенным от туч, а останки вечера умирали позади лагеря, за Южным Кругом гор. Там, на выбеленных вершинах, еще царила зима, в то время как на Рябом поле уже начиналась горячая степная весна. Бескрайняя Степь, покрытая холмами и длинными валами взгорий, возрождалась к жизни молодой травой, взлетающими там и сям стаями дроф, тетеревов и куропаток, клиньями гусей, что тянулись днем к горам. Бескрайностью серо-синих просторов и холмов, что ложились под копыта коня как разноцветный ковер.

В лагере царил гомон. Перед шатрами, изукрашенными гербами, с шестами, увенчанными вырезанными из дерева головами коней и диких тварей, горели огни и смоляная щепка в железных корзинах. Между шалашами и палатками порой вырывался сбивающий с мысли лязг молотков: кузнецы и подмастерья ковали подковы, правили доспехи, шлемы и шишаки, оружейники латали кольчуги и бармицы. Слуги ходили с ведрами, поили лошадей; запах коней, быков и других животных, обещающий погоню, бой и страх, вверчивался в нос, мешаясь с кислым запахом дыма.

— Хочется в бой, дядя,— сказал Чамбор.— Не могу дождаться битвы и трофеев: хунгурских коней, оружия, шатров. Их каган пьет ведь с золота, не из дерева!

— Это твоя первая битва, сыне?

— Я уже опоясан мечом, дядя! Сам палатин Старшей...

— Ты слишком уверен в победе.

— А как иначе, дядя? Как может быть по-другому? Столько рыцарства я не видывал... даже во сне. Разгоним эту босоту, разнесем на четыре стороны Ведды.

— Шпоры тебе, кажется, за глупость дали.

— Как?! Что вы такое говорите? Я ведь побил и повалил Драга — так, что земля затряслась. На турнире в Старой Гнездице. Дядя, когда бы это сказал другой человек, а не вы, я...

— И что бы ты мне сделал?

— Вам — ничего.— Чамбор закусил губу.— Отец наказал вас слушаться. Вот я и слушаюсь. Все дурное выпускаю... в другое ухо.

Они шли молча, глядя на лагерь, бьющиеся на ветру хоругви лендичей, украшенные башками кабанов, медведей да туров станицы монтанов, дреговичей и подгорян. Проходили мимо шатров рыцарских и владычных — круглых и овальных, двух- и одностолбных. Украшенных вьющимися, подобно змеям, орнаментами и тамгами.

Милош отозвался, лишь когда они добрались до его скромного постоя. Два воза, кони привязаны к вколотым в землю столпам, под полотняным навесом. Широкий длинный шатер, украшенный гербом — Дружицей. Костер давно угас.

— Чамбор, я позвал тебя, поскольку тебе доверяю. Тебе одному.

— Большая честь для меня, дядя. Мой меч...

— Мне не нужен меч, мне нужен твой разум. Ты молодой, смелый и порывистый, только рассудительности тебе недостает. Но это придет со временем, надеюсь.

Чамбор не стал возражать.

— Хочу попросить тебя кое о чем: чтобы ты опекал моего сына.

— Бойтесь смерти? Вы, славный Милош из Дружницы? А меня называете глупцом?

— Никто не ведает, что нам на завтра писано. Сыну моему пять... нет, шесть весен. Он в Дружице с моей... женой.

— Что я, нянька, дядя? Я приехал, чтобы сражаться, а не детишек развлекать.

Милош ухватил его за стеганку под шеей. Сильно, хищно, словно вместо пальцев у него выросли когти.

— Не болтай почему зря, меня и так от ярости трясет,— крикнул.— Тебя, когда ты был мал, тоже кто-то вынес из горящего подворья во время битвы с дреговичами. Иначе ты здесь не стоял бы, дурья твоя башка!

Дернул его и толкнул, потом убрал руку.

— Не сердитесь... Я просто... Отчего не поручите опеку кровному брату, Пелке?

— Они слишком хорошо знакомы с Венедой,— отрезал Милош. Тряхнул головой, словно избавляясь от дурных воспоминаний.— Слово мое и волю подтвердит Прохор, старший слуга, и брат Лотар из пустыни в Могиле.

— Что ж.— Чамбор явно не слишком радовался, поглядывая во все стороны, избегая взгляда Мило-

ша.— Как я сказал, отец наказал вас слушаться и почитать. А потому — повинуюсь и стану приглядывать за вашим сыном.

— Под клятвой. Говори. Прошу...

Толкнул племянника, потом изо всех сил ударил его по плечу, а пойманный враспloch юноша припал на одно колено.

— На мече,— Чамбор схватил оружие, вынул клинок из ножен на ладонь.— Во имя Единого Праотца и его сопомощника Ессы, клянусь моей рыцарской честью, что приму опеку над вашим сыном, пусть бы и пришлось мне забрать его из Дружицы в Дедичи...

— Благодарю. Это всё.

— Вы правда думаете, что мы проиграем, дядя? Вы, королевский рыцарь...

— Я не думаю, я действую, дорогой мой. Обстоятельства... запутанны.

— А где ваши люди? — Чамбор осмотрелся на стоянке Милоша.— Кони не вычищены, и меры овса не видно, траву выели под ногами. Где Гевальт и Спытко? И трое невольных, что вы в поход взяли? Эх, бить их дубовой палицей, пока не возьмутся за ум.

— Должно быть, сбежали.

— Гевальт? Оруженосец? Это ведь смертное дело!

— Ага,— кивнул Милош.— Смертное дело. Это ты хорошо сказал.

— Но ведь...— Чамбор отбросил полотняный полог, прикрывающий сверху воз,— ...оставили оружие. Доспехи, сюркотты? Не чищены, даже старая кровь осталась.

Милош дернул за полотно, опустил его и прикрыл воз. Нервно, неловко.

— Не пригласите на вино?

— Ступай уже, Чамбор. Оставь меня одного. Думай о славе, которую завоеешь завтра на Рябом поле. И о моем сыне. И помни, он зовется Якса.

Милош склонился над возом, поднял круглый череный сварнийский шлем с забралом для лица, оставляющим лишь отверстия для глаз, подцепил тяжелую шелестящую кольчугу, украшенную на плечах пластинами. Его рука дрожала, когда он перебрасывал броню через плечо. Дернул за шнур завесы, привязал его к чеке у колеса воза. Затем отошел от шатра. Перед тем как уйти, еще оглянулся и попрощался с Чамбором взмахом руки. Отступил в темноту.

Его бледное благородное лицо исчезло в темноте, словно лик призрака.

— Эх, дядя,— сказал Чамбор сам себе.— Не будет тебе нынче так же хорошо, как жене твоей, Венеде, в постели придворного инок...

Арна.

Имя последнего он не произнес. Уже все, пожалуй, знали, что происходило в доме старшего из рода Дружичей. Но Чамбор не сказал бы этого прямо, не ляпнул бы дяде в глаза, несмотря на высокомерие недавно получившего пояс и шпоры рыцаря. Отец приказал ему слушать Милоша и исполнять его волю в этом походе. А спорить с родителем не следовало.

* * *

Милош входил в шатер медленно, осторожно, чтоб не зацепиться за ковер и не споткнуться о ложе из шкур, брошенных на солому.

А может, и затем, чтоб предупредить нечто или некоего, притаившегося во тьме.

— Дружица! Дружица! — произнес он, словно к кому-то обращаясь.

Что-то зашелестело; кто-то или что-то находилось под покровом. Из угла за столом раздались шуршание, поскребывание. Блеснул желтоватый свет, когда зажглась лампада. Сияние ее росло, ширилось, делалось отчетливее.

С ним вместе с раскинутых на шкурах и соломе матов поднималась зловещая, словно тень, фигура.

Огромный мужчина со смуглой кожей и длинными, смазанными жиром усами. Будто и не человек вовсе, поскольку голова его была продолговатой, сужающейся кверху, глаза же — раскосыми и черными, а черты — дикими. Бритая макушка отрастала черной щетиной, сбоку же волосы были заплетены в косички. Носил он грубый коричневый кафтан, простеганный толстой драгвой, украшенный по сторонам золочеными узорами. Милош глядел на него, словно тот был зеркалом его мрачной и обиженной души.

— Хунгур,— сказал он.— Хорошо, что ты еще здесь.

— Я Даркан Баатур,— сказал тот неприятным горланым голосом.— Не оскорбляй меня, говоря со мной как с рабом, лендич. Как выпустишь коня, еще можешь его поймать. Как обронишь на одно слово больше, чем нужно, уже его не схватишь.

Милош бросил на стол шлем и кольчугу.

— Завтра утром ты наденешь этот панцирь, лицо закроешь забралом. Пойдешь в бой рядом со мной,

чтобы никто тебя не узнал. Молчи, а если спросят, показывай на меня. Я все объясню и растолкую.

— Будет так, как мы говорили, лендич.

— Я дам тебе меч, чтобы ты не обращал на себя внимания.

— Все, что у тебя есть, будет принадлежать кагану. А нынче я заберу только это, — Баатур наклонился и поднял с земли мешок, наполненный чем-то округлым и тяжелым. — Твоя униженная гордыня вымостит нам путь к Горану.

— Моя гордость и моя честь, — прохрипел Милош. — Завтра с утра... выполни все, как условились.

— Если ты предашь... — хунгур тряхнул мешком, — станешь служить мне после смерти. Как они, — постукал пальцем по коже.

— Не нужно меня пугать. Я и так уже проклят. Со всем своим родом, душой, с... — он заколебался, — ...с моим любимым сыном. До десятого колена.

* * *

Из большого королевского шатра, опирающегося на четыре столпа, он вышел в теплый свет утреннего солнца, в лагерь, обметанный поверху растрепанной линией белых и красных верхушек, а ниже — железом шлемов и рыцарских панцирей, окруженный хлопаньем реющих хоругвей и флажков. Король был в броне, называемой пластинчатой, покрытой окрашенной в красный и коричневый цвета кожей, с гербом Лендии на короткой сюркотте. На его голове вместо шлема красовалась Дубовая Корона Ведов.

Королевский войсковой Ольдрих ждал подле Турмана — верного коня, валаха, белого как молоко. Сварнийский конь, горделивый, с округлым задом, большой головой, жилистой шеей и развевающейся гривой. Покрыт он был чепраком с королевским гербом, Радаганом — золотой тамгой с мечом на кровавом поле. Под благородной головой свисал черноседой бунчук. Шла весна, и кони линяли. Землю под ногами покрывали клубки белой шерсти, вычесанной с лошадиной спины.

У Лазаря было задумчивое пустое лицо. Прислужник придержал поводья, войсковой и оруженосец подали стремя, подставляя сцепленные руки под левую ногу короля. Подняли его на коня и посадили в седло, украшенное золотыми бляшками да нитями.

Король уверенно сел в седле, хотя все в нем дрожало: не мог найти правое стремя, пока его ногу не вложил туда оруженосец. Но когда он кивнул хорунжему и трубачу, его голос был подобен колоколу.

— Давайте сигнал!

Вверх пошла огромная хоругвь Старшей Лендии. Она развернулась на ветру, показывая серебряный дуб на зеленой горе. Ветер схватил ее в объятия и задергал тремя длинными языками.

Заревела большая королевская труба — над шатрами разнеслось эхо. Голос ее подхватили следующие, разнося сигнал над всем лагерем. Глухо забили барабаны и гудели низко, тяжело, так, что от них сводило желудок.

Король поехал сквозь охваченный шумом лагерь. Плыл над морем оружного люда, в облаке флагов,

среди леса воздетых рогатин, копий и пик. Слева сидел Ольдрих, справа — палатин Домарат Властович, позади — оруженосцы, челядь и хорунжий.

Они выехали в поле; словно медленно текущая река бронированных всадников, из лагеря выплескивались группы рыцарей, оруженосцев и оружных слуг. Собирались на большом пустыре, затем тянулись на поле будущей битвы.

Шли недалеко — едва пять или восемь малых стадий за границу лагеря. На широкую равнину, что опускалась к югу, окруженная холмами и скалами, за которыми виднелась Бескрайняя Степь. Место, где мир соприкасается землей с окоемом, что и взглядом не охватить, а трава там всякий год встает все зеленее. Где с криками кружат орлы и ястребы. Где можно скакать без цели, странствовать без конца, от рассвета до вечера, от зимы до зимы, до края вечности, пока человек и конь не растворятся в зелени трав и чистой синеве неба.

— Стой! — скомандовал король. — Становись вправо-влево!

Земские и родовые хоругви лендичей, полки и сотни дреговичей и монтанов стали расходиться, делясь на колонны боевого построения, в порядок, принятый на совете днем ранее. Хоругви соединялись в полки, по восемь-десять, в две линии.

Лендийские рыцари в шлемах с прямыми наносниками, шишаках, украшенных наверху плюмажами, да в круглых гладких стальных чепцах с прицепленными кольчужными бармицами, ниспадающими на спину, ехали как на пир. В пластинчатых доспехах да коль-

чугах с наброшенными на них гербовыми туниками и сюркоттами. На мощных, сильных конях они становились вправо, под Драгомиром, палатином Старшей Лендии.

Королевские вассалы, князья, кастеляны, родовые хоругви занимали место в центре, соединяясь копытами в стену: плотно, сильно, с оруженосцами и пахолками за спинами.

В полк левой руки шли хоругви Младшей Лендии. На быстрых конях, шренявитах: стройных, худощавых, с задами как из железа, в нетерпении потряхивающих короткими благородными мордами. В шеренгах тут стояли рыцари в панцирях, чешуйчатой броне и клепаных стеганках.

За ними, в резерве, собиралась гончая хоругвь, а справа и слева, за линиями, полки ленников. Дреговичи с железными масками на лицах. Вооруженные луками, рогатинами и пиками. Рядом с ними — подгоряне на крупных мохнатых конях, в кожанках, шкурах и вооруженные абы как: сулицами, дубинами, кистенями, кривыми мечами, топорами. И монтане — в звериных шкурах, со щитами с узорами из черепов и скелетов да заклинаниями на деревянных табличках, повешенных на груди и шее, — те должны были защищать их лучше кованого железа.

Сзади клубилась пешая челядь и королевская пехота. Они формировали три больших круга, оцетинившихся копьями и взблескивающих топорами. Скандинские наемные дружины в бронированных панцирях и шлемах с полумасками, защищающими глаза. Когда они подняли щиты, образуя стену, можно

было подумать, что на серо-коричневом поле расцвело море цветов.

Лазарь остановил Турмана и услышал стук подков о камень. Когда глянул вниз, увидел, что конь стоит на едва видной из-под сбитой травы скальной плите. Покрытый землей, обомшелый символ на ней напоминал распластанную бабочку. Знак Пути Неба. Того, что, выходя из Круга Гор, пересекал Бескрайнюю Степь, ведя на восток, к жестоким странам, откуда века назад Есса вывел ведов. От этого пути остались лишь камни с надписями, которых не понимал никто, и все — неподалеку от Лендии, поскольку в степи они исчезали в пространстве и травах, дальше на востоке засыпанные песками пустынь.

— Светлейший государь! — крикнул задыхающийся гонец.

Король поднял голову. Далеко, на конце широкой равнины, перечеркнутой обильно разлившейся лентой быстрой реки... За пустошью с темно-коричневыми пятнами кустов, из-за которых это место получило свое название Рябое поле, роилась масса — муравейник фигур, сливающихся в неисчислимую толпу, поток, в...

— Орда! — сказал кто-то. — Хунгуры.

* * *

Они не заставили себя ждать. Шли как степной вихрь — огромное, размытое пятно черноты, серости и чего-то бурого, поглощающее покрытую первой весенней травой степь. От него то и

дело отсоединялись ватаги и группы — словно облака, то выдвигаясь вперед, то смешиваясь с основной массой. Все видели вздымающиеся над ними знаки: жерди и копыя с привязанными огромными пучками волос и странными маленькими шариками. А также величественно реющий стяг с косым крестом — будто разрезанный ножом, скривленный в злой ухмылке рот.

Милош смотрел на замаскированного Баатура, стоявшего позади него с вынутым мечом. Спрятанного за забралом шлема, его было не узнать. У седла хунгура колыхался привязанный к луке кожаный мешок, набитый чем-то округлым.

Орда приближалась. По спинам, покрытым панцирями и доспехами, прошла дрожь; руки сжимали копыя, мечи и топоры. Но Милош не чувствовал страха. Еще вчера он знал, что случится.

В ожидании битвы Чамбор закусил губу. Неподвижный как статуя, он сжимал в правой руке копьё, а в левой свободно держал поводья. И чувствовал себя подобно статуе: безвольным, частью механизма, что вынес его сюда, на Рябое поле. Он был в земской хоругви Скальницы, пешкой на поле славы, но чем сильнее сжимал копьё, подымая его все выше, тем меньше было уверенности. Это не турнир, не посвящение и не первые шпоры; это испытание, окончательное и немолимое. Всматриваясь в приближающуюся орду, он ждал сигнала к атаке. Мига, что станет длиннее прочих, когда ударившие друг в друга отряды конных распадутся на отдельные схватки; когда с ужасной неминуемостью он увидит напротив себя того единственного, с которым придется скрестить оружие!

Орда пришла как волна, разделяясь на отряды, собравшиеся под древками, украшенными хвостами. По линии конных голов, шлемов, шишаков и касок, над руками, стискивающими древки и рукояти, пронесся крик.

— Готовьсь! — закричали во всю глотку войсковые и жупаны. Железные булавы и буздыганы поднялись, подавая знак начать атаку.

Но не опустили! Потому что разогнавшиеся фигуры, оторвавшиеся от серо-коричневой массы вдруг притормозили, заколебались и... остановились.

Не было столкновения, не было атаки.

— Что происходит?! — крикнул Ольдрих. — Нас не атакуют, господин? Испугались?

— Пошлют нам приветствие. С ветром, тучей, воздухом, — проговорил мертвым голосом Домарат Властович. — Смотрите, благородные.

Туча стрел взлетела от шеренг орды. Понеслась, как черные птицы, хищная и злая, знаменуя свистом смерть и ужас. Они сжались, заслонились щитами и руками, склонили головы.

Стрелы со стуком и треском столкнулись с линией одоспешенных: со шлемами, конскими головами и копьями. Пали на войска, главным образом на полк Старшей Лендии, с воем, проклятым хохотом и смехом. Упали и... отразились, разлетелись на щитах и железе доспехов; увязли в стеганках, панцирях, кожах. Только иной раз стонал человек, кое-где свалился рыцарь, оруженосец; какой-то конь встал дыбом, другой присел на зад, раненый.

— Стоя-а-ать! — кричал Домарат. — Они хотят нас выманить! Вытянуть в поле, чтобы мы ослабили строй.

— Кто двинется, тому смерть! — хрипел Лазарь. — Трубить, стоять! Стоять! На месте!

Над шеренгами рыцарей поднялся крик, рык триумфа; клинки и копы поднялись; раздался звон мечей, ударяющих в щиты в ровном жестком ритме.

А Милош Дружич вытянул руку, когда его раненый конь наклонил голову, схватил и дернул за стрелу, торчащую из шеи животного. Вырвал ту без усилия, поднял к глазам. Та была едва заострена, толстая и пустая внутри как тростник, с зарубкой вроде свистка.

— Дурни,— выдохнул.— Это просто для испуга.

Орда закипела, зароилась, взволновалась. И вдруг от нее оторвалась вторая туча, темнеющая на глазах, волной падая на панцирные шеренги лендичей. На этот раз не было стонов. И они не слышали свиста. В них ударили шум, посвист, шипение длинных стрел. Падали они как град, втыкались в конские груди, морды, шеи; в щиты и броню, в тела, прикрытые шкурами. В середине линии воцарились замаять, ржание, визг. Кони падали на передние ноги, валялись назад, становились дыбом, давя всадников, дергали головами; некоторые убегали, лягаясь и тряся задами, утыканными кровавыми древками стрел.

Рыцари валялись с седел. Падали, ударяясь окровавленными лбами в конские шеи, на руки оруженосцам, пахолкам, которых призывали со стонами и страхом.

Милош отодвинул щит от лица. Оглянулся. Баатур стоял. Единственная его надежда, последняя защита. Ключ к будущему. Хорошо...

Буря стихла, но не миновала. Вот-вот близилась следующая. Со свистом вихря, сбряканьем тетивы и

шумом перьев. Крылатая смерть била в ряды и валила лучших. Без поединка, без боя, без милосердия, без страха.

Встал крик, вопли, стоны и ржание коней.

— Не устоим! — орал кто-то. — Вперед, вперед, братья! Выбьют нас словно уток!

— Не хочу гибнуть!

Снова — свист, поражающий и страшный. Стрела смела с седла соседа справа от Милоша. Спутанные, бьющие копытами кони, рвущие поводья и дергающие мундштуками. И вдруг громкие, резкие голоса командиров.

— Стоять! Стро-о-ойся! Жда-а-ать!

Чамбор уже не мог: стук сердца сотрясал его тело, перехватывал горло. Стрелы свистели и втыкались в щиты; каждая их волна норовила сбросить в бездну. Освободиться бы от этого чувства как можно быстрее!

Рыцари не послушались. Сперва отдельные всадники, потом целые группы стали выламываться из волнующихся рядов. И вдруг с громовым рыком, в грохоте копыт снялись с места хоругви Старой Гнездицы, Пильчи, Стрелы и Турнии. За ними, не сдержавшись, родовые — Старжей и Якс. Наконец, с рыком и криком: «Бей-убивай! Топором! Рви! Коли!» — пошел в атаку весь полк Старшей Лендии.

Чамбор мчался в первых рядах, дав шпоры коню. Сперва они шли строем. Но когда пролетели два стадия, линия рыцарей начала ломаться. Самые смелые подгоняли коней шпорами, рвались вперед, чтобы поскорее выйти из-под обстрела и воткнуть клинок в подрагивающее тело орды.

Ударили в пустоту! Едва обрисовались впереди волнующиеся ряды хунгуров, как на их месте встала пыль. Наконечники копий пробили ее клубы и... вместо груди целились теперь в склоненные спины убегающих, в тугие зады их лошадок!

По неровным рядам пролетел крик. Лендичи бросились в погоню, словно железная лавина, что, сходя с гор, разбивается на отдельные валуны и потоки.

И тогда сбоку справа замаячила лава всадников. Она двигалась ровно, неумолимо и уверенно.

Ударила во фланг и в тыл мчащихся рыцарей!

Поднялся крик и ор, когда пал стяг Старшей с топором на кровавом поле. Строй, люди и кони смешались. Ломались с треском копыта, ударяя в своих и падая на землю. Погоня тормозила; лендичи поворачивали вправо, к растянутым линиям врага.

И тогда раздался знакомый свист. Это волна стрел ударила в них сбоку и спереди. Убегающие вдруг стали преследователями, быстро и легко разворачиваясь в сторону лендичей.

Лазарь видел со своего места, как орда хунгуров захлестывает рваный, покрытый пылью, истыканный стрелами полк Старшей Лендии. Прикрыл глаза, откинулся в седле.

— Худо с нами, — сказал слабо. — Господин Ольдрих!

— Да, слушаю, ваша милость!

— Прикажи дуть в трубы для королевского полка. Ударяй смело, а не то их повыбьют. Бей сбоку, отгони орду с левого фланга! Я встану сзади, приду с подмогой, если станет нужно!

— Слушаюсь, господин!

Загremели трубы, поднялись буздыганы и мечи командиров. А когда опустились, огромный головной королевский полк медленно двинулся с места, а потом все быстрее пошел вперед, набирая разгон. Шел с подмогой разорвать кольцо, которое все теснее опоясывало разбитые хоругви Старшей Лендии.

— Вперед! Дальше! Дальше! — гремело.

Хоругви двигались рысью, перешли на галоп, ускоряясь и растягиваясь. Флажки реяли, подковы стучали все громче.

На этот раз они не ударили в пустоту — копыта столкнулись с обтянутыми шкурами щитами и ломались в телах врагов, крепких да малых волосатых коньках.

Чамбор сражался уже какое-то время. Бросил копье, поскольку враг был близко, ужасно близко; нет места для разгона. На расстоянии руки хунгуры двигались словно бесы. Широкие, смердящие странной смесью кожи и лошадей, волосатые, будто лесные вампиры. В колпаках, огромных шапках и кожаных шлемах с клапанами, украшенными рогами. Лесные рыси, нелюди, пришельцы из бездн. Дикие, пустые, перекошенные лица безо всякого выражения. Черные глаза, движения как молнии, быстрые рывки руками. Словно монстры, сросшиеся с лошадьми.

Вокруг лендичей кипело. Мечи, топорики и кривые клинки мелькали, звякая и ударяя в шеломы и щиты. Не было как на турнире или во время тренировок. Чамбор получил в шлем раз, второй, третий, едва успев заслониться щитом. Рубанул справа, потом слева, отбросив в сторону окровавленный клинок. Враг

был в его руках; он знал, что перерубит того до седла, но меч увяз в чем-то, потерял силу. Рыцарь знака Ливы пытался его вырвать, но получил в шишак снова; так сильно, что искры из глаз посыпались, несмотря на чепец. Лихая сила вырвала меч из руки, оставив Чамбора сперва изумленным, а потом испуганным. Он почувствовал лед в сердце. И мысль, выбившую его из уверенности в себе: что война — изменчивая владычица и все в ней зависит от умений и случая. И что ты тут либо герой, либо трус.

— Меч! — рыкнул он. — Дайте меч!

Никто не помог ему, оружие осталось между трупами, он мог лишь в отчаянии закрываться щербатым щитом. Но его товарищи шли вперед, рубя, коля, напирая на диких коней хунгуров, которые пинались, кусались и бились в тесноте. Шли на подмогу, прорубая дорогу туда, где под хоругвями Старшей Гнездицы сражались конно и в пешем строю сбитые в кучу, отрезанные и окруженные с трех сторон рыцари.

Но Милоша Дружича и его оруженосца среди них не было.

* * *

Как выглядит враг мира? Каган хунгуров, палач дреговичей, владыка Бескрайней Степи, самовластный господин половины мира, который посягнул на честь короля лендичей? Чтоб его узреть, человеке, ты должен пройти путь мучений. Он сидит на коне за тысячами воинов, огражденный от мира отрядами Дневной и Ночной Стражи, а когда

б ты даже пробился сквозь их ряды, столкнулся бы с дворней, двумя дюжинами солаков — безвольных рабов, манкуртов, что не могут думать, поскольку их душу выжгло солнце. Они должны убить каждого, кто приблизится.

Перед владыкой орды всякий встает безоружным. Хорошо, что не нагим. Без меча, брони и щита, ошупанный — не пронес ли тайный клинок; без слуг, помощников и надежды. На коленях, ползая будто пес, что невыносимо для обычного лендича.

И все же Милош Дружич прошел этой тропой.

Толкаемый, обзываемый, иной раз пинаемый и постоянно оплевываемый, он полз, порой припадая на колени и кланяясь до земли, вслед Баатуру, который шел выпрямившись. Тяжел был его путь. Меж копытами низких лошадок, которые вблизи оказывались крепенькими, со сплетениями мышц. Меж стражей с топорами в виде полумесяцев, в чешуйчатых панцирях или в доспехах из кусочков кожи, сплетенных ремнями. Под неподвижным взглядом двух созданий, напоминавших людей, с белыми лицами и остроконечными головами, прикрытыми меховыми малахаями, что делало их похожими на пещерных медведей и степных волков. Пинаемый и толкаемый ногами в кожаных сапогах на плоской подошве. Унижаемый словом, хлестаемый мастерски сплетенными нагайками.

Он не понимал слов, которые произносил Баатур. Низких, хриплых, словно вылетаемых из перерезанного горла. Не обращал на них внимания, был выжжен и пуст. Случилось, возврата нет. Да и куда? Воспоминание о доме, Дружице вызывало корчи. Не было уже

памяти, прошлого, он был как мара, имел одну только цель...

И тогда на дороге его встал некто, на хунгура не похожий. Бледное лицо, глядящее из-под шашака, чьи отвороты падали на плечи. Длинная одежда без пуговиц, удерживаемая кожаным поясом, и нагайка, свешивающаяся с руки. А еще голос. Понятный, хотя и тархтящий. Лендийский.

— Чего вы хотите, земляные черви, от кагана каганов, победителя королей, зенитного неба и солнца степи, чьи сабля и стрела выпускают кровь из соплеменников, чья удача никогда не перестает сиять звездами мощи и красоты? Говорите же, прежде чем он вас раздавит.

— Мы кладем у ног кагана наши колчаны, бьем ему челом у порога юрты. Мы невольники его порога, отдаем ему дань и коней. Да лишит он нас имени и жен. Да бросит он нас в ничейных землях.

— Говори, с чем ты пришел, Баатур. Мне рассказывали о тебе.

— Я привел лендийскую сволочь, мерзкого будто говно, покорного будто пес, что хочет принять милость и власть великого кагана. Он пришел скулить у его ног, пришел покориться; не только сам, но и от имени прочих воителей Старшей Лендии, которых ослепила святость Горана Уст Дуума. Спешим принести ему честь, ибо только тогда они перейдут на нашу сторону.

Милош ждал, согбенный, грязный, окровавленный и трясущийся. Был отстранен, словно все это его не касалось. Даже не прикрыл бледных глаз.

— И каково доказательство правдивости твоих слов?

— Вот знаки покорности Милоша Дружича,— Баатур поднял кожаный мешок, тот самый, который утром приторочил к седлу. Развязал, дернул, перевернул, встряхнул и...

Три головы покатались под ноги хунгуру. Бледные, израненные, в порезах и с темными пятнами крови.

— Гевальт, Хана, Сенко,— прохрипел, будто из-под земли, Милош.— Мой оруженосец и слуги. Я убил их, чтобы показать... серьезность моих намерений.

— Отрубил им головы у меня на глазах,— проговорил Баатур.— О чем я свидетельствую и что подтверждаю. А теперь приносим их в жертву кагану.Пусти нас к нему, и мы выиграем эту битву. И вместе заслужим милость Матери-Земли.

Хунгур молча отступил, открыл путь. Нет! Он только ухмыльнулся под тонким, смазанным жиром усом.

— Если он достоин встать перед каганом, пусть пройдет испытание. Пусть Мать-Земля покажет, что в нем нет измены. *Тоолуууй!* — крикнул он и махнул руками. Сунул в рот свисток и засвистел, показывая на коленопреклоненного Милоша.

Рыцарь затрясся. Вскинул голову, бросая дикий взгляд влево-вправо. Услышал топот, что казался громче шума битвы. Быстрый, неожиданный, близящийся.

И завыл — только это и успел сделать.

А еще — прикрыть левой рукой голову и скорчиться, потому что на молитву не хватило времени.

Остатками сил он ухватился правой рукой за реликвию, висящую на шее, сжал ее.

Слева вырвался табун воинов. На крепких малых коньках с густыми гривами, что падали на шеи будто мех. Толпа людей в колпаках и шишаках, с луками и кривыми мечами на боку, в изукрашенных панцирях, блестящих от золота, переплетенных ремнями. Шли они коротким галопом, покачиваясь в седлах, веселясь. Щелок! Ударили нагайками, разгоняясь.

В один момент они ринулись на Милоша, взяли его под копыта, пролетели над ним, едва успевая его перепрыгнуть, пролететь над избитым, презираемым телом рыцаря!

Пронеслись будто духи, исчезли меж оружного люда. И даже Баатур взглянул, потрясенный, сперва на хунгура, потом на лендича.

Милош даже не вскрикнул. Весь в грязи, стоптанный, он кусал губы, но не стонал. Лежал, почти нетронутый и, кажется, не сломанный: возможно, познакомился лишь с копытом-другим, что было лаской, как для хунгурского приветствия.

Устроитель этого испытания подошел к нему, будто удивленный.

— Пойдем, тля. Ты прошел испытание. Каган примет твою мольбу.

Милош встал: мрачный, с лицом, лишенным выражения. Шел за хунгуром; на этот раз Баатур был позади. Милош предался в сильные, грубые руки стражников с лицами, заслоненными кожаными масками. Только сжал в руке тяжелую реликвию, словно рукоять меча, и шагал, чуть пошатываясь, вперед и вперед.

Ряды расступались пред ним, когда он входил на пригорок в самом центре орды, под жестокую хоругвь

с косым крестом, напоминавшим страшную ухмылку призрака. Шел...

Под свет, под солнце, к огромной фигуре, мрачной как сама ночь, сидящей на мощном коне. Фигура — словно бес, в огромной меховой шапке, украшенной рогами, в золотистом доспехе из пластин, каждая из которых с заклинанием, отгоняющим духов. Длинные черные волосы, выбившиеся из-под мехов. И темное волчье лицо. Пустые глаза без белков.

Горан Уст Дуум, каган мрачного востока. Высящийся тут словно бес, словно тень. Памятник силе, которую не сломишь, потому что она затопит тебя как море, и раздавит — или унесет с собой, пусть бы у тебя была тысяча мечей, клинков и копий.

Хунгур, который привел лендича, пал на колени, бил челом, выкрикивал что-то, орал, пояснял: говорил прямо вождю, но униженно.

Милош не слушал его. Ведомый странным чувством, смотрел на древко огромного стяга кагана, украшенное — нет, вовсе не бунчуками или конским волосом... это были головы. Человеческие, полузвериные — с раскосыми дикими глазами, мощными дугами на месте бровей, огромными носами и выпуклыми губами, словно грубо вытесанными из камня. Головы черные и белые, серебристые и смуглые, кривящиеся в гримасах боли. Порубленные, покрытые ранами, почти раздавленные. Некоторые и вовсе нечеловеческие: с пастями, мордами, они будто принадлежали полузверям, которые капризом Чернобога встали с четверенек, чтобы притворяться людьми. Это были останки врагов кагана. Тех, кого он убил во время марша по Бескрайней

Степи, в восточных странах, диких и мерзейших, откуда всегда приходило лишь зло.

Хунгур ударил Милоша по плечу так, что стало больно. Рыцарь видел только его губы, роняющие тяжелые слова:

— Владыка всех орд, великий каган примет твой поклон, лендийский пес. На колени, бей челом! Пусть твои люди станут рабами золотого порога, а если удалятся от него, то отруби им пятки. Пусть станут слугами у его юрты. А если отойдут от двери, вырежи им печень и выбрось ее. Если не станут слушать, растопчи их сердца и брось прочь!

Много месяцев Милош думал, молился и представлял, каким будет этот миг. Боялся боли и страданий; боялся собственной слабости, бессилия и сомнений.

Ничего такого не почувствовал. Все было так, будто он смотрел на происходящее со стороны. Словно он уже не находился в теле, а пребывал на прекрасных лугах у сбора Праотца.

Вот он падает на колени, склоняет голову...

И одновременно хватается за реликвию на груди, сжимает ее в руках, срывает с ремешка. Хватает, словно рукоять меча!

И летит, летит, воспаряет длинным прыжком с земли. Прямо на мрачного владыку.

Каган не смотрит на него. Слышен крик, запоздавший ор. Шум летящих стрел, бряканье закованных в железо стражей.

Но Милош летит быстрее, парит как птица, как орел...

Когда невидимый клинок разгорается бледной си-
невой, Горан Уст Дуум приходит в себя. Осматривает-
ся медленно, с презрением надувая губы; смотрит на
червя, который посмел нарушить его покой. Теперь его
глаза не черны. Милош видит круглые, расширяющие-
ся словно в бездну зеницы. Видит их движение, сперва
медленное, потом ускоряющееся. Наконец лицо обра-
щается в сторону врага. Каган открывает рот.

Наконец Милош видит страх. Ужас победителя
степных народов, уничтожителя веры, неодолимого,
крепкого и непобедимого.

И тогда убеждается, что каган — не бог, а его тело —
столь же смертно, как и людское. Потому что невиди-
мый меч втыкается в доспех, прокалывает пластины,
рвет драгоценные сплетения кольчужных колец, входит
глубже и глубже, до самого дна, до истины, что даже
хунгур всех хунгуров может быть красен от крови.

А потом Милош снова стоит неподвижно среди ки-
пени и ора, что взрывается вокруг. Сгибается, боясь
боли, но не чувствует ее. В один миг, внезапно, в него
втыкается столько клинков и стрел, что мир колышет-
ся и уплывает.

Наконец покой. После всех лет. На миг к нему вер-
нулся образ Венеды и короткое сожаление, что все так
закончилось...

* * *

— **О**ни уступают! — кричал Брунорф, свар-
нийский оруженосец Лазаря. Одетый в
стеганку и железные налокотники, он

привставал в седле большого мощного жеребца, глядя над головами рыцарей и сражающихся.— Поддаются, господин, сбором Праотца клянусь!

— Хорошо! — выдавил Лазарь, бледный и напряженный, до боли сжимая левую руку на передней луке седла.— Трубите сигнал! Полк левой руки, Дреговия и Подгорица, в атаку. Монтане — в резерве! Ударим им во фланг, пробьемся на тылы и загоним диких хунгурских псов между холмами!

— Светлейший государь! — крикнул Домарат.— Это может быть ловушка! Позволь мне проверить!

— Не будет другого случая. Я сам поведу рыцарство в атаку.

— Решительно возражаю.

— Каркаешь будто ворон! Может, ты и хорош в схватках, бугуртах, поединках, но отваги тебе не хватает! Останешься здесь. И будешь ждать.

— Ты унижаешь меня, владыка! — выцедил Домарат.— Но я приму твои слова с покорностью.

— Позаботься о короне! — Лазарь потянулся к голове, снял золотой обруч, украшенный листьями дуба, и подал его рыцарю.— Береги ее как собственную голову и честь, а я... Где мой шлем?

Рыцарь побледнел, будто тяжесть золотого обруча, украшенного дубовыми листьями, оказалась слишком большой. Он принял Корону Ведов как сокровище, прижал к груди.

А Лазарь уже надевал шлем, увенчанный Знаком Копья. Вытянул руку и махнул трубачам.

Взревела музыка. Загудели барабаны.

— Готовься! Готовься!

Звон и вспышки пролетели вдоль всей линии левого полка Младшей Лендии. Рыцари поднимали копыя, глубже усаживались в седлах. Ровняли шеренги.

Двинулись линиями, хоругвь с хоругвью. Сперва шагом, потом галопом...

— Вперед! — кричал Лазарь, идя в бой на Турмане, в первом строю королевской хоругви. — Вперед! Вперед! Смерть и слава!

Полк шевельнулся и сдвинулся, следом за ними — полк Дреговии, пестро-серый, с блеском опущенных забрал, что придавали лицам витязей жестокий вид и зловещую усмешку.

Они шли в бой.

* * *

Чамбор выл, орал, заслонялся щитом, потому как на него отовсюду падали удары, словно цепи на обмолоте: быстрые, молниеносные, едва заметные. Оружия у него не было, не имел, чем вернуть честь за почести! Продолговатый баклер щербился, расщеплялся, и юноша почти чувствовал, как при каждом вражьем ударе щит подрагивает в его руках. «Конец, конец!» — некие мысли и образы пролетали у него перед глазами. Не хотел так вот гибнуть, словно пес, разрубленный бесами.

И вдруг, будто во сне, кто-то прижался к его боку. Чамбор увидел протянутую рукоять короткого старого меча с закругленным навершием. Ухватился за нее, как тонущий за последнее спасение, и увидел окровавленное лицо Ворштила из Ковесов.

— Суки и ухваты! Бей их! Бей псовых детей! — рычал тот. — Не останавливайся!

— Господин Ворштил, до конца жизни...

— Бей, не болтай! — рыцарь развернулся в седле, отбивая яростную атаку хунгура, одетого не в кожи или панцирь, но в испятнанную кровью и пылью рубашку, словно насмехаясь над ударами, несущими смерть. Был он один, белый, без охраны, меж коричнево-серых воинов. Нет времени задумываться, отчего так.

* * *

Тоорул, сын Горана, примчался верхом, задыхаясь, в крови; конь — в пене. Принимал участие в битве, причем долго: его красный хулан, на котором он носил панцирь из золоченых пластин, нес три следа от удара лендийскими мечами. У коня текла кровь с шеи, но он не дергался, не мотал головой, как бывает с животными, — терпел тихо.

Тоорул с трудом соскочил из седла, приблизился к большому стягу, согнулся, поскольку хотел, согласно с обычаем, пасть на колени перед великим отцом-каганом.

И тогда понял, что некому бить поклоны. Горан почивал, окруженный гвардией, как черно-золотой истукан, статуя Матери-Земли. Кровь уже впиталась в кожи, черпаки и плащи, пятнала рогатое седло под головой.

А неподалеку лежало окровавленное и еще подрагивающее, покрытое смертельными ранами тело Милоша Дружича. Когда Тоорул подходил, один из

гвардейцев перевернул тело пинком на бок, открыв бледное лицо и бороду, слепленную кровью.

Заместитель кагана припал к Тоорулу. Нагайка жалко свисала с его руки, когда он ударил челом.

— Великий, величайший тайджи Тоорул! О господин! Несчастье! Наш каган, трижды непобедимый Горан, пивший из черепов врагов, сильный, как степной волк... Владыка зверей, людей, лошадей и всех народов, от Лендии и Дреговии до Китмандских гор. Суверен Красной и Черной Тайги, угорцев, чейенов, сакков...

Тоорул молча выпрямился, не обращая внимания на слова Горда. Развернулся и, широко ступая, подошел к своей свите. Миновал коня и приблизился к одному из двух гвардейцев в часто простеганных кафтанах и островерхих шишаках. Воин держал перед собой, на передней луке седла, что-то маленькое, завернутое в гладкий шелк словно в мешок. Но в ткани были дырки и щели, будто бы для дыхания.

Тоорул склонился над ним — произнес пару слов, которые, даже если и услышало постороннее ухо, никто бы не повторил. У гвардейца был вырван язык, о чем знали все в окружении молодого наследника.

Хунгур кивнул, Тоорул вернулся к заместителю кагана, склонился над ним, ухватил за отвороты кафтана под шейю, встряхнул.

— Югурта Горд! — произнес. — Ты должен был оставаться опорой и орудием воли кагана. Как хороший конь или добрый пес. Ты потерял свои умения, утратил лицо, потому что допустил к моему отцу предателя и бешеного волка. А потому ты бесполезен, как

сломанный меч, как расплетшаяся нагайка. И за ошибки твои тебя живьем посадят на деревянное место, а позже отсекут мошонку и вырвут язык.

Горд не стал молить о пощаде. Лишь трясся, точно слова до него не доходили.

— Забрать его! — Тоорул кивнул гвардейцам. И тогда Югурта буквально вырвался у него из рук, две слезы скатились по его покрытым пылью щекам.

— О великий, ты сделаешь, что пожелаешь, я... верно служил, я не... это предал Баатур, а лендич прошел испытание.

— Знаю, знаю, мой сладкий, милый, вежливый слуга,— сказал Тоорул и вдруг положил руку на голову Горда. Гладил его как послушную кобылку, как малое дитя, как жену.— Знаю, что ты хотел как лучше. И за это я тебя отблагодарю.

— Прости меня, о великий, трижды величайший... каган.

— Нет. Не прошу. Но остановлю пока наказание, если окажешься послушным и сделаешь для меня сейчас одну вещь.

— О-о-о господин, да-а! Сделаю все.

— Ты сбережешь положение, достоинство, члены и голову. Но ты должен спасти орду. Иначе ее разнесут мечи лендичей.

— Я сделаю все.

Тоорул вздернул голову Горда вверх и заглянул ему в глаза.

— Возьми двух моих молчаливых гвардейцев. И еще двух манкуртов, которые тебя слушаются. Езжай сперва к моему брату Альбеку, а потом к Тингизу.

Вызови их, говоря, что Горан хочет увидиться. Но не говори им, что случилось.

— О-о-о да, господин!

— По дороге убей их без пролития крови. А тела привези, накрыв попоной. Понял? Их смерть за твое страдание.

Югурта покивал.

— Если ты меня предашь, знай, что братья не будут столь милостивы, как я. Обрекут тебя на муки, а отряды их — уйдут с поля битвы. Поэтому выбирай: я — или их смерть. Я и орда — или деревянный помост.

Горд не задумывался. Ударил челом так, что, казалось, выбил дыру в песке.

— О-о-о мой каган! Сияние солнца, благородная птица...

— Ступай. Нет времени!

Тоорул не смотрел на него, но пошел к телу отца, присел. Прикоснулся рукой к ране на его груди, поднял окровавленную ладонь, поставил себе кровавый знак на лбу.

А потом снял шипак, сорвал с головы мертвого кагана огромный колпак с рогами и... надел на свою. Поднялся, посмотрев на мертвое тело.

— Накройте его и держите рты на замке,— приказал гвардейцам из Дневной стражи.— Кто бы ни пришел, ничего не говорите. Снимите с кагана кафтан и отдайте мне, иначе орде придет конец! Матерь-Земля и Великое Небо дают мне наследие. Отныне я стану вашим каганом!

Поднялся крик, лязг оружия, огромный стяг вырвался, забился на весеннем ветру.

— Джочи! — крикнул Тоорул посланнику. — Поддай мне коня! Бейте в набаты, пусть кабланы готовятся к бою. Я сам встану во главе их! Вперед, быстро!

По гвардии и слугам Горана прошла дрожь. Едва заметно затрепетали ладони, сжимающие бунчуки и древки; склонились головы, сжались рты, закусилась губы. Кабланы... Кабланы. Слово — как змеиное шипение — жуткое, жестокое, неведомое...

Свист и удары нагаек вырвали хунгуров из забытья. Гвардейцы Тоорула уже сошли с лошадей и теперь гнали слуг прочь, бегом; к последнему труду и делам во имя нового кагана.

* * *

Удар полка Младшей Лендии настиг орду, что слала стрелу за стрелой в левый фланг сражающихся посреди поля рыцарей. Увидев атакующую лаву бронированных всадников, роты, ощетинившиеся остриями копий и рогатин под склоненными вперед, трепещущими флагами, хунгуры огрызнулись нескладным залпом стрел. А потом начали разворачивать коньков и убегать, чтобы увеличить дистанцию с лендичами, получить пространство, а затем развернуться снова и послать врагам смертоносную тучу стрел.

Ничего не вышло! Рыцари Младшей Лендии летели на шренявитых — легчайших и быстрейших конях, скорых как птицы и при этом крепких словно кованое железо. Не дали разорвать дистанцию, не позволили

отскочить. Ударили, будто железная лавина, в смешанные клубы орды.

Не все копыта достигли цели. Лишь немногие треснули, сметая с седел серо-бурые фигуры в шкурах и кожаных шлемах; тех, кто не успел развернуться. Некоторые с запозданием ударили в спины убегающих хунгуров. Те, что остались целы, рыцари бросали на землю: копыта слабо пригодились для атаки на убегающего противника.

— Дружица! Бзура! Межба-а-а! Буйно!

— Бей-убивай!

— Стоя-а-ать! — крикнул Лазарь, задержав коня в тылах полка, под королевским знаменем. — Трубить «стой».

Никто не слушал голоса труб. Рыцарские крики смешались с громом копыт и лязгом клинков. Лендичи наступали хунгурам на пятки, были как взявшая разгон панцирная лавина: ломающая строй, бесформенная, распадающаяся на меньшие фрагменты, по мере того как кони переходили в галоп, каждый — свой, отличный от других.

Вдруг орда, убегавшая как всполошенная стая птиц, расступилась. По резкому свисту распалась на две половины — уходящие все дальше направо и налево.

Земские хоругви ворвались между ними и оказались в пустоте, летя по пестрой плоскости Рябого поля. По сторонам неудержимо росли рваные склоны холмов в конце долины — будто спины древних змиев, ошетилившиеся острыми гребнями скал...

Нарастающий топот! Пронзительный свист — страшный, убийственный, неожиданный! Это не был

звук стрел, их перьев. Из яра, до того момента скрытого от взглядов рыцарей, им навстречу вылетела лава черных всадников, сидящих низко, склоненных в седлах. На головах их вместо шишаков и колпаков были островерхие капюшоны. По бокам их скакунов, у ремней, в ритме конского бега тарахтели привязанные кости и звериные продолговатые черепа. В руках же вместо оружия они держали набитые продолговатые мешки — странные, неясные шары, овальные, как зрелые арбузы...

Шли навстречу в полном галопе, хотя шеренги их были куда растянутей. Жутко посвистывая, они вырвались к сбившей строй группе рыцарства, подняли руки, вооруженные странными шарами и...

Когда от встречи с лендичами их отделяло всего тридцать или сорок шагов — бросили те шары во врагов.

— Убегайте! — поднялся вой. — Бегите!

— Уходите!

Град круглых снарядов пал на разогнавшихся всадников. Летели те снаряды будто безумные птицы: с воем и криками, что вонзались в уши, отбирали волю к бою и сопротивлению.

Это были головы! Серые, сморщенные, с темными и светлыми волосами, с косами и бритые. Но все — живые, воющие, кричащие, ударяющие воплями, будто нагайками!

Падая на людей, они не только кричали, но и кусались. Впивались в конские гривы и шеи, хватали за руки и поводья, облепляя оружный люд, словно большие круглые пивки.

Лендичи остановили свой бег. Один, второй, третий — полетели с седел воины, покрытые пылью. Кони испуганно вставали на дыбы, били копытами, лягались; иной раз, дерганые за узду, падали назад, придавливая всадников, сея страх и панику.

Безумие ужаса овладело сбившимися рядами рыцарства. Никто не хотел сражаться, никто не был в силах противостоять этой жути, не мог вынести воя обезумевших останков, которые летели, как насекомые, впивались в лошадей и людей, словно черви.

Никто ранее не видывал ничего подобного.

— Езжай к Мирче! — прохрипел Лазарь оруженосцу. — Пусть ударит, поможет нам выйти целыми. Приказываю ему! Слышишь?!

Оруженосец кивнул, развернул легкого жеребчика почти на месте и — его уже и след простыл.

Лазарь достал меч, выпрямился на Турмане, который беспокойно вскидывал голову, крутился на месте.

— За мной! На подмогу!

Но помогать было нечем. На них вдруг словно повеяло грозой. Рыцари, оруженосцы, пахолки и стрельцы гнали густыми группами, топча все на своем пути. Что не свалили, то увлекали за собой.

Король почувствовал рывок, едва не свалился с седла, а конь под ним развернулся вместе с прочими бегущими.

— Место господину! Король! Король! — орали пахолки. Никто их не слушал. Но и бежать было некуда. Кони пошли медленнее, рыцарство отчаянно продиралось сквозь густеющий кордон врагов. Мечи звенели об окровавленные клинки, люди падали с лошадей,

ревя, пробивались сквозь серо-коричневые волны воинов, чтобы закончить, упав наspiгованными стрелами, пробитыми, сброшенными с седел прямо на клинки.

— Господин, туда! — кричал второй оруженосец. Лазарь размахивал мечом, прекрасно понимая, что ничего не может сделать. Хунгуры были везде. Воздух прошивали стрелы, безошибочно находя щели в броне, втыкаясь в глаза, валя коней, сметая на землю оружных — так буря ломает тяжелые прогнившие дубы.

Он ощутил удар в спину — один, второй; потом Турман споткнулся и медленно, бесконечно медленно лег на землю, словно не желая навредить благородному всаднику.

Лазарь перекатился на бок; рядом с собой видел только хаос, море нечеловеческих круглых морд, остроконечных голов и колпаков, вздетых рук и клинков. Получал раз за разом, сам погрузил клинок меча в тело, защищенное кожаным панцирем, но вырвать меч не сумел. Его вдруг прижали, обездвжили, рванули вверх. Потом все происходило в ускоренном темпе, словно время понеслось как напуганный конь.

Последнее, что он видел, было поле битвы и далеко, за пылью сражения, неподвижно стоящие темные ряды воинов под синим стягом с черным вепрем, сжимающим в пасти кровавое сердце. Монтания... Мирча не сдвинулся с места, не помог ему, не атаковал. Предал!

Времени на раздумья не было. Его тянули, волокли, иногда проносили над трупами — крепкие, ловкие воины с нечеловеческими лицами, в одеждах без пуговиц, шапках и колпаках из серых стеганых шкур, в высоких сапогах с широкой подошвой и задранными носами.

Вдруг впереди открылся холм — мрачный, увенчанный огромным серо-фиолетовым стягом с жестоким крестом, сложенным из двух соприкасающихся полу-месяцев.

Ниже стояли шеренги конных и пеших, чужих воинов и достойных мужей, что было понятно по их дорогим одеждам, золотой окантовке оружия, украшениям, бунчукам и кисточкам на копьях.

А посреди всего этого Лазаря приветствовал огромный муж в золоченом панцире с резными пластинами; из-под него выступали края одежд, красных будто кровь. На голове у человека был шишак с опадающим на лицо забралом, что плотно прикрывало его — так, что виднелись лишь два пятна вместо глаз. Рядом с ним стоял хунгур с голой, бритой, остроконечной головой, очень бледный — почти белый и с нагайкой в руке.

Перед ним стояли на коленях полдюжины лендийских воинов. Рыцари, жупаны, кастеляны. Королевский войсковой Ольдрих, раненный в бок и левую руку, что бессильно висела. Вскочил, увидев короля, но, оттолкнутый хунгурским гвардейцем, опять упал на колени.

Мужчина в желтом доспехе показал Лазарю нечто темное, большое, то, что лежало на мертвецких носилках, на шкурах и шапках, обрызганное кровью. Хунгур — уже труп, но огромный, будто великан, мрачный, мощный, враждебный.

И мертвый — с бледным, пожелтевшим лицом. С руками, гордо сложенными на груди, хотя высокомерие, что правило им при жизни, улетучилось вместе с душой.

Лазарь глядел остолбенев, поскольку ничего не понимал. Ему помог вражеский вождь, говорил по-своему, но его бледный слуга все переводил.

— Се, Лазарь, ты видишь, — в голосе хунгура чувствовались не только печаль и сожаление, но и спокойствие, — моего отца на смертном одре, кагана всех орд, Горана Уст Дуума. Как ты смел покуситься на его голову? Как мог столь нагло посягнуть на честь великого мужа во время битвы?!

Лазарь молчал. Просто не находил слов. И тогда тихо заговорил Ольдрих.

— Мой господин и король. Отвечай кагану. Голова — не вербовый пень, второй раз не отрастет.

— Больше меня удивляет, — сказал король, — что твой отец, каган, посмел напасть на королевство Лендии.

— Вот, смотри! — рявкнул хунгур, ступил чуть ниже, указывая на нечто лежащее в траве, презрительно пиная это сапогом; и то, что он пнул, претерпевало такую судьбу, переворачиваемое с боку на бок, уже давно, с полудня, а может, и с самого утра.

Было это окровавленное, смятое будто тряпка, тело худощавого мужчины с седоватой бородой. Лазарь узнал лицо — Милош из Дружицы. Муж и рыцарь. Порой объект насмешек на пирах и герой рассказов, которыми веселил короля придворный шут в Старой Гнездице и которые громко вещал, будучи пьян, Ворштил.

— Прости мне, Милош, — беззвучно прошептал король.

Взглянул хунгуру прямо в лицо, в его мрачные глаза, где не мог найти ничего человеческого.

— Я не знал... Но скажу тебе, каган, что, подготовь это я... ты тоже лежал бы здесь, на втором одре.

— Кланяйся мне, Лазарь! Преклони колени на трупе слуги. Ты проиграл королевство, власть и армию. Где твои воины и рабы? Отдай мне честь, и я позволю тебе служить мне вместе с остатками твоего народа.

— Королевство Лендии — не от мира сего, потому что жизнь ему дал Есса, который вывел ведов из неволи. Король никогда не покорится врагу. А если это конец, пусть он станет моим началом, хунгур.

Лазарь почувствовал на своих плечах сильные руки степняков.

— В твоей столице я посажу наше Древо Жизни, — начал говорить каган. — И вырастет оно до неба, и пустит корни. И ничего нас отсюда не вытолкнет. Смотри!

Прежде чем его заставили преклонить колени на трупе Милоша, король повел взглядом за рукой кагана и увидел на холме нечто, чего не видывал никогда в жизни: многочисленные запряжки коней и волов, хунгуров, что бегали между ними с нагайками в руках. Канаты от упряжек бежали к огромным повозкам, на которых ехало небывалое, гордо раскидывающее по небу ветки гигантское серое дерево. Вырванное или скорее выкопанное с корнями из черной земли где-то далеко на востоке. И привезенное сюда через месяцы и годы, заботливо поливаемое и кормленное, чтобы пустило оно корни в чужом краю.

Прибитые к серой коре, на обрубках ветвей висели оружие и доспехи — виднелись останки людей в

золоте и багрянце. Скорченные, высушенные солнцем и ветром. Приносимые в жертву божеству хунгуров веками и эонами.

Лазарь упал на колени и услышал свист. А потом, впервые за много дней, почувствовал облегчение.

— Господин! Господин! — застонал Ольдрих, бросаясь к голове короля, что скатилась на стоптанную траву. Хунгурские стражники шагнули к нему, но остановились, потому что войсковой лишь схватил и поднял голову Лазаря. Уселся с подогнутыми ногами, положив ее в подол, а потом прижал кровавящую и бледную к своей.

— Я поклялся Праотцу, — сказал печально, — что где будет голова Лазаря, там ляжет и моя.

Склонился, держа печальные останки в руках, вытянул шею, прикрыл глаза, а Тоорул подал знак:

— Служи кагану после смерти!

Свистнул кривой клинок, раздался стук, глухой удар, когда две головы встретились на окровавленной земле.

И вдруг с глухим стуком к ним присоединилась третья. Куда более окровавленная и порубленная. Голова Милоша.

— Вот они, господин, — сказал Горд, заместитель старого, а нынче нового кагана. — Головы сильнейших врагов твоих. Что сделать с ними?

— Принесите в жертву Древу, — проворчал каган. — Пусть оживит и выкормит их. Лазаря и его слугу — пусть оплетет животворными корнями.

— А этого? — Гвардеец поднял голову Милоша.

— Этого — нет. Его... посадите. Пусть цветет. Он еще нам пригодится.

* * *

Мало было милосердия на Рябом поле. Те, кто сбежал в самом начале, прежде, чем Лазарь попал в руки хунгуров, прежде, чем пало прекрасное и гордое знамя королевства, еще имели шанс. Рыцари, что пошли в бой последними, закончили тем, что их окружили, рубили, пробивали стрелами. Целые отряды пеших воинов шли между конскими задками и боками с рогатинами в руках. Выбивали лентичей из седел. Добивали лежащих либо ползающих между трупами раненых, сброшенных с коня, изо всех сил лупя палицами или железными молотами. Раз, раз, с размаху, двумя руками, так что брызгала кровь, а тело, покрытое панцирем, доспехом или стеганкой, переставало трепетать. Пока не разойдутся швы шишака, не разломится грубо кованное железо шлема, не разобьется напополам щит; пока не падет вознесенная рука с мечом или топором.

Битва затихала. Кто-то сдавался, улучив лишь момент или чуть больше. Поскольку то и дело раздавался гортанный хунгурский крик, блестела вознесенная сталь...

— Служи мне после смерти!

Удар, один-другой, порой гладко снимающий голову с плеч. Другим разом — разрубающий шею, плечо и режущий вслепую. Оглушительный вопль, стон умирающих, падающие тела и трупы на Рябом поле, покрытом пятнами крови.

Люди из королевской хоругви, затяжные либо сражавшиеся среди земляков сварны, лузины и савры, по

рыцарскому обычаю припадали на одно колено, втыкая мечи в землю. Этим щадили — хунгуры погнали их по полю, меж трупами, свистя над головами нагайками и подталкивая тех, кто едва волокся или не мог идти.

— *Устуди, гараун!*

— *Устуди!*

— *Ук! Ук!*

Их загнали на холм, под жесткое знамя, неподалеку от огромного дерева, которое тянули с дюжину связанных возов и которое возносило свои кривые, гнутые ветви к небу.

И тогда начали убивать, вырезать безоружных. Сперва хватали, выволакивали из толпы, бросали на колени у стоп владыки и его рабов.

— Служи кагану после смерти! — несло в равнодушные небеса. После каждого вскрика, каждого пожелания — удар, тихий свист, крик, хрип, конец жизни, край существования.

— *Есса-а-а! Есса! Есса!* — начали кричать умирающие. Дергались, пытались сбежать, словно измотанные целым днем боя ноги быстрее хунгурской стали и копыт.

Крик «Есса» вырывался как стон и поднимался к небесам, так что воины в кафтанах и островерхих шапках начали дрожать и опускать поднятые для удара кривые мечи. Некоторые хватались за амулеты из костей, висевшие у них на бедрах на ремешках. Но командиры принялись лупить людей батогами, гнать на кровавую работу.

И те начали ударять иначе: сбоку или снизу. Рубили пленников по горлам, чтоб те не произносили имя

короля-духа. Умирающие давились молитвой, их уста заливала кровь.

А головы падали одна за другой. Но не лежали у стоп кагана. Молодые хунгуры сразу хватали те за бороды и подрезанные, подбритые на висках волосы. Бежали, сколько было сил, к дереву и складывали головы у корней, опрыскивая кору, серую, будто шкура древнего чудовища, кровью. А останки несчастных заволакивали на ветви.

* * *

Пока свершался последний акт для лендичей и их союзников, неподалеку, под большим знаменем хунгуров, проходила церемония предательства и подданства, унижения в другом стиле; испытывались гибкость шей и легкость коленей, готовых сгибаться по любому кивку нового господина.

Князь дреговичей Сван шел медленно, без оружия и шлема — на встречу с каганом. Грузный, но глядящий остро и печально из-под седой гривы и кустистых бровей.

Хотел идти бить челом, но дорогу ему загородила стена гвардейцев в золоченых доспехах из пластин, пришитых ремнями к толстым узорчатым кафтанам. Чуть искривленные наконечники копий, заточенные до бритвенной остроты, коснулись его шеи, уперлись в живот, загородили дорогу, целясь в глаза.

— Ты не подойдешь так к кагану, раб! — заворчал Горд. — Нынче лендийский пес посягнул на здоровье

великого Горана Уст Дуума. Потому никто из вас не окажется к нему ближе, чем на длину копья гвардейцев.

Сван замер, бросил злой взгляд, но тотчас опустил голову, откашлялся.

— Как же... мне воздать почести кагану?

— Воздашь их без одежд, раб! Голым, как тебя родила Мать-Земля.

Сван хотел протестовать, но его соратник, беловолосый советник, потянул его за руку и зашептал что-то на ухо.

— Уберите ваши палки! — хмуро сказал князь. — Сделаю!

Гвардейцы по знаку убрали копья. Сван развел руки, вскинул голову, выпятил грудь.

Подбежали двое прислужников. Стянули с него шлем и чепец, расстегнули ремни круглого, будто зеркало, нагрудника.

Сван наклонился и вытянул руки, чтобы еще двое могли расшнуровать на боках, расстегнуть и снять ему через голову драгоценную кольчугу, украшенную под шеей светлыми пластинами.

— Давай! Давай! — фыркнул Горд. — Всё, раб!

Ему развязали ремешки стеганки. Сняли, открыв толстую, вышитую знаками и разноцветными орнаментами под шеей рубаху.

Сняли и ее, обнажив выпяченный, поросший черным волосом живот, мощные плечи и шрамы на теле.

— Дальше! Полностью! — кричал заместитель кагана.

Сван затрясся, но позволил снять с себя кожаные сапоги с застежками, развязать ноговицы. Заколебался, но лица хунгуров были суровы, кочевники подгоняли его криками, а Горд сурово кивал.

Наконец князь снял подштанники, открыв свету естество. И встал голый, с цепью, что свешивалась с бычьей шеи. Гордый, будто коряга, грубый, но хлестанный градом презрительных взглядов.

— Подойди, раб! Подойди, но — вот так!

Вдруг свистнула веревка, и аркан упал на голову князя. Сжалась и потянула его, поволокла, будто вола, голого, по окровавленной траве, прямо пред лицо кагана Тоорула, мрачного как зимняя ночь.

Сван шел; дорогу, которую Лазарь миновал с поднятой головой, он пробегал, ругаемый, подгоняемый копьями, оплевываемый. Шел, бежал, смешно колыхая большим животом, пока Горд, который подступил сбоку, не указал ему место. Тут!

Князь замер, пораженный, потому что здесь лежал безголовый труп, который он узнал по сюркотте и одеждам. Труп короля Лазаря.

— Давай, поклонись своему бывшему господину!

Сван грохнулся на колени на тело владыки Лендии, ударил челом раз, второй, третий. Но каган словно не заметил того.

— Великому, трижды благословенному, вседобрейшему и самодержавному кагану — бью челом! — выдохнул князь.— Светлости нашей, нам милой, защитнику и владыке. К ногам приношу благодарственные молитвы Дреговии и жертвую землю и воду, потому как не желаем мы служить фальшивому коро-

лю лендичей, но преклоняем колени пред тобою и тебя призываем.

Тоорул махнул рукой советнику. А когда тот подбежал, выплюнул в подставленную ладонь плод, который был у него во рту.

Горд подошел к Свану, поднял за волосы его голову. И всунул остатки непережеванного в рот князя, сильно и грубо, другой рукой нажимая на челюсти, будто коню, что не хочет раскрывать пасть, чтобы принять удила.

— Ешь пищу кагана! — загремел Горд. — Пей его кумыс. Ступай по его земле... Служи ему за жизнь!

Словно из-под земли раздался грохот. Это заговорили барабаны.

Сван ел, медленно двигая челюстью и трясясь, словно дикий зверь в клетке. Пережевывал еду как собственное поражение.

— На! — Горд похлопал его по плечу. — Ступай к своим. Созови их и жди. Еще нынче проведешь нас с недобитками в Монтанию. К господарю. Пригодишься. Ты уже свой!

Мягкие весенние сумерки опускали завесы траура на все, что происходило вокруг.

— Горд! — крикнул Тоорул.

— Да, каган?

— Узнай все о человеке, который посягнул на жизнь моего отца. Откуда он и как его звали. И были ли у него дети, кровные, рабы, жены и наложницы. С кем он ходил, где спал, для кого открывал рот. Я хочу знать все, ты понял?

— Да, каган.

* * *

Они убегали всю ночь, пока не вставали, покрытые пеной, кони. Тогда они давали коням короткую передышку, вылезали из седел, распрямляя кости, ослабляли подпруги и пасли животных на слабой весенней травке. Ехали вшестером: Чамбор, Бор, Ворштил, оруженосец и двое пахолков.

— Как я не люблю убегать,— жаловался владыка Ковесов не оглядываясь.— Уже третий раз даю драпака, оставив на поле рыцарскую честь и спасая хер, голову и рассудок.

— А когда,— выдохнул Бор,— вы убегали в первый и второй раз? И от кого?

— От госпожи жены. Из стога и... из шалаша. В дни не лучше, чем теперь.

— И они могут быть еще хуже? — проворчал Чамбор.

— Что ты знаешь о жизни, парень!

— С вашего позволения, я препоясан...

— Отцовым ремнем по жопе. Меч потерял в битве, представьте себе, суки и ухваты!

— По коням! — крикнул Бор.— Подальше отсюда! Нет времени!

Они то и дело оглядывались на юг: не покажется ли на пути в Монтанию орда. Но там были лишь подобные им беглецы, порой скачущие на север, а иной раз — молящие о милости, о коне и о том, чтобы их взяли в седло. Ворштил отказывал. Грозил мечом, да и

настроение у него было мерзкое: в любой момент могла пролиться кровь.

Чамбор уходил будто во сне. Еще утром он был препоясанным рыцарем, принимал участие в атаке, видел, как гибли люди, как пали, прошитые стрелами, двое пахолков, взятых из Дедичей на войну. И вдруг он стал беглецом; в то время как... должен бы стоять в битве, оставшись там, на Рябом поле. И он даже хотел, стоял с мечом Ворштила, пока... его не подхватила волна бегущих. Конь понес вместе с остальными. По крайней мере, так он себя убеждал, поскольку, хочешь не хочешь, а ровно так же легко, как был героем, он стал трусом. Чувствовал себя девкой, что преждевременно утратила девство. Убежал... О Праотец. Как же это? Ведь он выигрывал на турнирах, и не было в Дедичах никого отважнее. Шел с копьем в лес на волка, с рогатиной — в пещеру на горного медведя. Выбивал рыцарей из седел как детей из коляски. А теперь? Убежал... Почему?

К утру их осталось пятеро. Конь оруженосца сдался, замедлился, не смог идти за ними; лег на бок и застонал, не желая вставать.

Они просто оставили оруженосца — безоружного, потому что ранее тот сломал меч в битве. Пожали по очереди руки; Чамбор даже не знал его имени, но отвязал от луки седла и отдал свой бурдюк с квасом. Уезжал рысью, последним, оглядываясь на несчастного, что одиноко стоял у своего коня, но не решился остаться с ним на верную смерть. Раз уже сломленный на поле битвы, Чамбор по-прежнему ощущал страх.

Но превозмог, взял себя в руки. Развернулся и подъехал к безоружному оруженосцу, вынул меч Ворштила, заткнутый за пояс, и подал с коня, рукоятью в сторону парня.

— Держи.

— Господин, вы... сами без него не сумеете сражаться.

— Куплю себе другой в Посаве,— прохрипел Чамбор.— Бери, чтобы умер, как подобает мужчине, если вдруг они до тебя достанут. Бывай.

Кони едва шли, а люди начали избавляться от частей доспехов. Сбрасывали шишаки, нагрудники, кольчуги за пять и больше гривен. Только мечи оставляли у седла.

Все время они встречали и обгоняли беглецов. Из уст в уста переходили рассказы, один невероятнее другого. Говорили, что спасся палатин Младшей Лендии и что он собирает рыцарство, чтобы дать отпор. Рассказывали, что король Лазарь погиб и хунгуры носили его голову на копье. Другие утверждали, что он сдался и заключил мир, оставаясь пленником кагана. Третьи добавляли, что князь Дреговию принес унижительные клятвы на теле убитого властелина, а господа Подгорицы и Монтании сбежали. Что орда идет по их следу, оставляя за собой только небо и землю.

И самая страшная весть, от которой у Чамбора сжимались кулаки,— что ярость кочевников не знает границ, потому что Милош Дружич коварно убил их великого кагана. Юноша слушал это словно в бреду. Что пришло дяде в голову? Что его изменило? Почему... он решился на такое?

Хунгуры близко! Орда идет!

А потому они убегали — на север, прямо в рваный вал гор, который маячил при свете Княжича впереди, открывая отчетливую косую щербину в месте, где сквозь этот вал пробивалась Санна. Только бы подалее! За Южный Круг, за Нижние Врата, за горы. Передохнуть, собраться с силами, выжить.

Коней от вечнозеленых лугов по ту сторону жизни отделяло немного. За ночь скачки они исхудали, бока запали, а кости на задах выпирали из-под кожи. Подпруги оставили потертости, из которых сочились кровь и гной.

Наконец утром, когда взошло и пригрело солнце, они увидели перед собой контур Нижних Врат. Горы — мощные, скрытые в синеве рассвета, испещренные пятнами снега и зеленоватыми полосками высокогорных лугов и полонин, расступались, словно мрачные великаны. Выпускали меж своими массивами серебристую широкую ленту Санны, что переливалась и шумела в камнях. Вверху вставала четырехугольная каменная башня, накрытая стройной остроконечной крышей: главенствовала здесь. Будто ласточкины гнезда, ее облепляли галереи, поддоны, деревянные пристройки; бойницы глядели суровыми черными глазами из-под крытой гонтом крыши.

Ниже, справа, они увидели прилепившиеся к скалам Нижние Врата: огромные створки, вытесанные века назад из скальных плит горного базальта, с древних времен покрытые сетью трещин, выглаженные ветрами, но все еще сидящие на рычагах — петлях, — похожих на боевые башни. Детище столемов, охраняющее

вход в Ведду, спаянное с небывалым искусством со скалами и горами, как и они, — твердое и неуничтожимое. И все же детище это пало под ударами ведийских мечей и топоров, было захвачено, долгие годы оставалось заброшенным, а потом отстроилось новыми хозяевами и теперь стояло, управляемое водой.

Ворот было две пары — низом, пенясь, через пороги протискивалась Санна. Достаточно запереть первые ворота, чтобы между ними и задними быстро накопилось целое озеро воды. Кто пожелал бы разбить базальтовые плиты, рисковал освободить стихию, что смела бы врага во мгновение ока. Потому-то Ворота запирались не ровно, а под углом, смыкались косо, обращенные в сторону течения Санны, складываясь с обеих сторон будто заостренный наконечник копья, чтобы вода заклинивала их собственной тяжестью. Чтобы отворить их, закрывали задние, а воду из искусственного озера спускали в боковой канал в горные пещеры, и тогда начинали обращать огромные коловороты, а те канатами толщиной с мужскую руку и цепями притягивали к себе обе створки.

Чамбор и его товарищи были уже близко, почти во главе разрозненных групп оружного люда, которые верхом и пешком тянулись к излому Санны. Рыцари вздохнули: врата отворены, разведены и позволяли речке спокойно течь.

— Повезло нам, суки и ухваты, — сказал Ворштил. — Получим пару дней... за горами.

— Вперед! Вперед! — проворчал Чамбор.

Шли они шагом, потому что другого хода из славных шренявитов не выдавили бы. Въезжали в долину,

в каменистый излом широко разлившейся Санны. Они и сотни прочих несчастных. А может, и тысячи, потому что сзади видны были тянущиеся к излому новые и новые отряды беглецов. Перед самым склоном толпа стала гуще, ехали теперь медленнее, в сторону Врат тянулось все больше лендичей.

— Смотрите! — сказал вдруг молчавший дотоле Бор. — Что за...

Огромные и широкие створки Врат дрогнули. Медленно, почти незаметно начали сходиться, проворачиваясь на невидимых осях. Всё в ужасающей тишине, напряжении, молчании гор — а его не нарушало и тихое пение Санны или звон птиц под синим небом.

— Вперед! Вперед! — крикнул Ворштил. — Закрываются!

— Не видно наших на стенах, — сказал Чамбор, прикрывший глаза ладонью от солнца. — Нет там стражи!

Толпа беглецов кинулась к Вратам. Бежали и гнали, спотыкаясь на камнях, падая в реку. Люди достигли берега, взбили ногами и копытами золотистое течение Санны, бежали в брызгах воды, прямо к огромным плитам.

— Не запирайтесь от нас! Не-е-ет!

— Стойте! Что вы делаете?

Пахолки и оружный люд топтали друг друга, падали, кидали щиты и оружие, бросали едва живых коней. Только бы дальше, успеть на каменный порог, через который переливалась река.

Но Врата, движимые коловоротами, двигались медленно и неумолимо. Сходились, давя надежду, лишая

облегчения. Чамбор видел, как две стены приближаются друг к другу и почти смыкаются, закрывая проход.

— Вперед! Пробьемся! — кричал Ворштил.

Бессмысленно. Каменные стены сомкнулись. И лишь когда это случилось, до ушей беглецов донесся гром, земля затряслась как от лавины. Высоко над Вратами заблестели пики и колпаки стражи.

— Монтаны на Вратах! Мирча предал!

— Предал! Песий сын! Сучий выблядок!

— Разбойник!

— Откройте!

Люди тщетно бежали к Вратам, били кулаками в пористые скальные плиты, кричали и размахивали руками, в отчаянии рубили камень мечами и топорами, подпирали скалу плечами в бессильном гневе, который превращался в ужас. Некоторые тянули вверх драгоценные рыцарские пояса, золоченые шпоры, перстни и цепи, показывая, чем готовы оплатить проход.

— Впустую! — пробормотал Чамбор сам себе. — Поищем другой путь.

Вода по ту сторону Врат прибывала. Ударила над головами — сквозь щели в источенных каменных плитах, что смыкались неплотно. Потом — сквозь проемы в центральном шве, меж сомкнутыми плитами базальта. Лилась ручьями, будто горный водопад, по мере того как поднимался уровень Санны по ту сторону Врат.

И тогда раздался крик, подхваченный многими устами, рвущийся из охрипших глоток:

— Хунгуры! Хунгу-у-у-уры!

Орда шла с юга, вытекала волной из-за взгорий над Санной. Быстро, неудержимо, захлестывая одинокие фигуры беглецов. Льющаяся коричнево-серая смерть, над которой реяли кисточки бунчуков, украшенные свежими головами погибших на Рябом поле.

Толпа у Врат начала метаться, биться, но пути к бегству не осталось.

— Мечи в руки! — крикнул Ворштил. Чамбор мысленно выругался. У него ничего не было. Он стоял с голыми руками, потом взглянул вверх, на возносящиеся над ними, облитые водой плоскости Врат, на дикие морды монтанцев высоко наверху, что высовывались из-за парашетов. Туда пути тоже нет. Его сердце лупило как молот, подкатывалось к горлу. Быстро! Все происходило слишком быстро.

Хунгуры ударили с марша. Ворвались галопом, с разгону, в поворот Санной. С писком, ором и шумом ударили в остатки войска с Рябого поля, снесли их, повалили, топча копытами. Рубили, кололи и секли, так дошли до самых Врат.

Чамбор стоял, ожидая, когда исполнится его судьба. Ему стало все равно.

«Я должен спасти сына Милоша, — мелькнуло у него в голове. — Я дал клятву, Праотец. Спаси меня! Все погибнет!»

Глухой гул вторил его мыслям. Вдруг на голову лендичей и хунгуров обрушился истинный потоп. По ту сторону Врат собралось целое озеро, его уровень поднялся до верхней грани плит, и вода перелилась на другую сторону огромным водопадом. Массивы воды ринулись на метавшихся ниже беглецов ледяным

